

— В книгах господя нашего написано больше, чем в ваших писаниях!

Мэтр Жерар Машэ, королевский духовник, допрашивавший Жанну, едва не поперхнулся. Замолчали и вытянули шею другие отцы.

Девчонка попалась! Она сама захлопнула ловушку! Теперь, если бы захотеть, с ней можно сделать все, что угодно. Она фактически сама призналась в ереси. Еще бы! Кто, кроме еретиков, отрицает церковные книги, принижает заповеди и каноны! Значит, не традиции церкви, не догма и обряды, а чистый господь бог? Это уже явно отдаёт дьявольскими учениями, за приверженность к которым полагается костер!..

Мэтр Жерар Машэ выразительно посмотрел на остальных. Это восклицание бедной невежды не следует принимать в расчет. Она слишком наивна и горяча. Братья его понимают?.. Итак, можно продолжать...

Допрашивал брат Сегэн. Это был доминиканец, доктор богословия, человек весьма ученый и набивший руку на разоблачении еретиков. Внешне брат Сегэн не производил благоприятного впечатления. Он был чрезмерно толст и неуклюж. Его дряблые щеки болтались, как мешки. Его маленькие глазки зло и упрямо блестели из-под нависших бровей.

Жанне этот монах показался особенно противным. Прежде чем начать спрашивать, он долго причмокивал оттопыренными губами и что-то глухо бубнил себе под нос. Когда он заговорил, Жанна едва его поняла. Доминиканец изъяснялся на южнофранцузском диалекте и употреблял выражения, которые были совершенно неизвестны пастушке из Домреми.

Брат Сегэн любил поиграть со своей жертвой, как кошка с мышью.

Он начал с вопроса, которым думал сразу смутить бедную крестьянку.

— На каком языке говорили твои голоса?

Жанна чуть не рассмеялась. Этот жирный поп,